

УДК 338.24; 330.4

ISSN 1812-5220
© Проблемы анализа риска, 2016

Проблемы рисков современного общества

Ю. И. Соколов,
ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС
России,
г. Москва

Аннотация

В статье анализируются материалы, связанные с рисками современного общества как «общества риска».

Ключевые слова: риск, «общество риска», глобализация риска, риски сложного социума, риски информационной эпохи, управление рисками.

Содержание

1. Концепция современного общества как «общества риска»
 2. Проблема глобализации риска
 3. Риски научно-технического прогресса
 4. Риск как базисный фактор информационной эпохи
 5. Риск как атрибут современного общества
 6. Риски сложного социума
 7. Риски российского общества
 8. Проблемы управления рисками в современном обществе
- Литература

*Понятие риска становится центральным в обществе, которое про-
щается с прошлым, с традиционными способами деятельности, ко-
торое открывается для неизведанного будущего.*

Энтони Гидденс.
Судьба, риск и безопасность

1. Концепция современного общества как «общества риска»

Современное общество — это общество, которое вследствие сложности и многогранности имеет разные характеристики и интерпретации. Определяющие его понятия пытаются фиксировать определенную имманентную (неотъемлемую) сущность, закрепляя в одном термине наиболее важную из отражающих его черт.

В последней трети XX века человечество вступило в новую фазу своего развития, которую современные исследователи чаще всего называют «обществом риска». И этому есть причины.

Проблемы, связанные с углублением кризиса современного общества, явились основанием для появления новых факторов неопределенности и глобализации риска. Возникла актуальная потребность в определении меры безопасности, в необходимости выработки механизмов и технологий, не столько препятствующих возникновению риска, сколько адаптирующих человека к жизни

в условиях неопределенности, к действиям в ситуациях риска. Для этого понадобился нетрадиционный взгляд на модернизацию, выявление ее связи с риском.

«Общество риска» — понятие, используемое для описания современных обществ, вошедших в стадию позднего или высокого модернизма, когда процесс производства материальных и социальных благ сопровождается систематическим воспроизводством угроз, опасностей и риска [1].

Это понятие введено немецким социологом У. Беком в результате переосмысления природы и сущности модернизма в целях разработки новых концептуальных подходов к его анализу. В настоящее время «общество риска» объединяет совокупность концептуальных положений, отражающих качественные изменения обществ, бытия и сознания, вызванные процессом модернизации.

Модернизация — изначально возникающий на определенном этапе развития производительных сил и технологий процесс кардинальных социальных изменений, охватывающий все общество, все его подсистемы с соответствующими функциями — экономику, политику, государственные, правовые, образовательные, семейные и иные институты, — в результате которого осуществляется переход от традиционных, аграрных к современным индустриальным обществам [2, 3].

Модернизация включает не только технологические изменения, но и изменения отношений между социальными структурами и социальными агентами. Социальные структуры становятся более подвижными по сравнению с предыдущим историческим этапом.

«Общество риска» как постиндустриальная формация от индустриального общества отличается главным образом тем, что если для индустриального общества характерно распределение благ, то для «общества риска» — распределение опасностей и обусловленных ими рисков. При этом опасности, проявляющиеся в данном обществе, принципиально отличаются от прежних тем, что они не имеют границ ни в пространстве, ни во времени. Для этих опасностей не существует государственных границ.

Наиболее полно концепция «общества риска» разработана в работах Н. Лумана, Э. Гидденса, У. Бека.

В работе немецкого социолога Никласа Лумана (1927—1998) «Понятие риска» (1991) риск принимает формальное выражение в виде вероятности. По мнению социолога, «отказ от риска, в особенности в современных условиях, означал бы отказ от рациональности». Согласно Н. Луману, современное общество устроено таким образом, что в нем не может существовать деятельности, независимой от риска [4].

Это общество требует увеличения роли организационного сознания, так как, во-первых, человек сам должен принимать решения, чтобы обеспечить свое место в социальной структуре общества; во-вторых, в условиях глобализации рисков и антропологической катастрофы выживание человека зависит от человека; в-третьих, так как катастрофы и риски становятся повседневной реальностью и причиной человеческой ошибки, возрастает роль человеческого фактора; в-четвертых, сегодня необходимо повышение персональной ответственности за все, что происходит в социуме, как на уровне управляющей элиты, так и конкретного эмпирического индивида; в-пятых, в связи с тем, что происходит экспансия модернизированных рисков, которые угрожают природе человека, его здоровью.

Английский социолог Энтони Гидденс (1938) сравнивает современный мир с системой, структурными элементами которой являются риски, создаваемые человечеством. Неотъемлемой чертой современного переходного общества становится его рискогенность. Особое внимание в своих работах Э. Гидденс обращает на то, что теперь не только действие, но и отказ от принятия решений может привести к возникновению рисков. Действие вызывает риски, поскольку посредством модернизации усложнились технические средства и системы жизнедеятельности человека, что сделало общество более уязвимым. В обществе риска увеличивается количество внутренних рисков, то есть рисков, связанных с ошибками человека. Бездействие же возникает потому, что, не устранив последствия одного риска, общество получает новый риск, иногда гораздо более существенный и сложный [5].

Немецкий социолог и философ Ульрих Бек (1944—2015) в рамках своих работ предлагает наиболее целостную концепцию «общества риска», охватывающую все его стороны. Ведущей идеей этой

концепции является мысль о том, что современное общество вступило в фазу полной перестройки своих основ. Основной причиной возникновения «общества риска» он считает глобальное изменение производственных отношений, начавшееся во второй половине XX века. Он вывел понятие системного инцидента за узкие рамки функционирования технологических систем, определив современное общество как «общество риска», который является всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым [6, 7].

Риск — это не исключительный случай, не следствие и не побочный продукт общественной жизни. Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества — экономической, политической, социальной. Риски — неизбежные продукты той машины, которая называется принятием решений. Риск может быть определен как «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой. Риски — следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха».

Общество и его институты вынуждены постоянно оценивать свои действия с позиций приемлемости риска. Именно этот процесс определяется Беком и его последователями как рефлексивная модернизация. Она в интерпретации Бека имеет двойственный характер: с одной стороны, направлена на минимизацию риска, а с другой — постоянные изменения и трансформации увеличивают риск. Поскольку производство рисков возникает во всех сферах жизнедеятельности общества, то, следовательно, производство риска ведет за собой и следующие фазы: распространение и потребление риска (рисунок).

Конечная фаза — потребление риска — одновременно ведет к накоплению риска, росту «массы»

риска. При потреблении происходит не поглощение риска, а его аккумуляция. Критическая «масса» риска растет. Риск становится растущим моментом социального производства. И поэтому он вынуждает общество в целом соотносить и оценивать результаты производства и его скрытые побочные эффекты. Неизвестные и непреднамеренные последствия становятся доминантной силой в истории и обществе.

Риски, порождаемые современной модернизацией, отличаются от рисков предшествовавших эпох тем, что они [6]:

- во-первых, не воспринимаемы органами чувств человека, эти риски воспринимаются и осмысливаются только через знание; центр осознания рисков находится не в настоящем, а в будущем;
- во-вторых, современные риски не ограничены во времени и пространстве;
- в-третьих, они не компенсируемы. Если климат меняется бесповоротно, если прогресс, достигнутый в генетике человека, делает вторжения в человеческую природу необратимыми, если глобальные катастрофы происходят повсеместно, то уже слишком поздно говорить о компенсации. Новое качество угроз человечеству разрушает логику компенсации. Ее место занимает принцип предостерегающего предотвращения (Франсуа Эвальд, французский историк и философ);
- в-четвертых, современные риски не имеют конкретного виновника; в таком обществе каждый является причиной и следствием возникновения рисков (риски коллективной безответственности);
- в-пятых, первоначальное распределение рисков в обществе происходит обратно схеме распределения богатств: обеспеченные люди могут «купить» себе безопасность от рисков; в низших слоях общества материальная нужда заставляет пренебрегать рисками.

Риск, таким образом, создает новые общности, ценностной основой которых становится отноше-

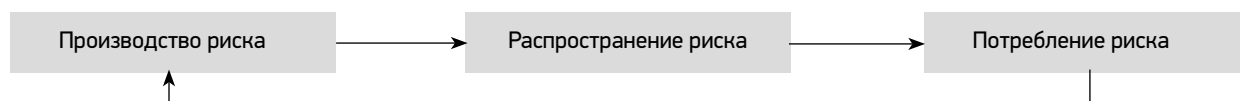

Рисунок. Схема производства, распространения и потребления риска

ние к безопасности (те, кто извлекает из рисков выгоду, и те, кто ему подвержен; те, кто обладает знаниями о риске, и те, кто ими не обладает).

Разработанные исследователями теории «общества риска» подтверждают, что категория риска с течением времени приобрела всеобщий и экстерриториальный характер, охватывая как индустриальную систему и социальные институты, так и повседневную жизнь каждого человека. Уровень социального риска во всех его видах и формах неизбежно повышается в переходные периоды жизни общества, когда нарастает степень неопределенности, происходит болезненная смена ценностных ориентаций, социальные ожидания становятся размытыми, а привычные нормы отчасти утрачивают свой регулятивный потенциал, что, например, характерно для России.

Риски становятся обязательными компонентами социальной жизни, что заставляет по-новому взглянуть на их место в развитии общества. Риск — не только опасность, но и определенная выгода и для отдельного человека, и для социальной группы, и для общества в целом. Возникла иная позиция — оценка риска как ресурса, благодаря которому и человек, и общество могут получить дополнительные возможности. Исход рискованной ситуации может быть амбивалентным — положительным или отрицательным.

Особое место занимают искусственно создаваемые риски, которые позволяют манипулировать не только сознанием, но и деятельностью современного человека. Манипулирование риском становится важным средством приспособления человека к современным условиям. Риск включается в систему управления и функционирования общества и становится видом ресурса.

Осознание рисков чаще всего не приводит к принятию адекватных мер по его устранению, из чего следует, что чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни «общества риска».

Еще одна проблема — это политическая интерпретация технического и естественно-научного знания. Это знание не может быть использовано непосредственно в политическом процессе. Необходим перевод этого знания на язык политического диалога и решений. Сегодня этот перевод осуществляет политически ангажированное научное сообщество.

Формируется институт экспертов, который приобретает самодовлеющее политическое значение, поскольку именно он определяет, что и насколько опасно. Именно эксперты определяют уровень социально-приемлемого риска для общества.

2. Проблема глобализации риска

Усилившиеся с конца прошлого века процессы глобализации во многом повлияли на характер развития «общества риска». Под воздействием глобализации формы пространства и времени претерпевают глубокую трансформацию, риски преодолевают государственные границы, тем самым получая глобальное значение.

В условиях глобализации увеличиваются факторы риска, возникают неконтролируемые ситуации, таящие в себе угрозу и опасность. Последствия техногенных и природных катастроф отражаются, как правило, не только на стране, где они произошли, но и на соседних странах. По мнению ученых, происходит глобализация риска, которая приобретает необычайный размах, затрагивает большие слои населения. Опасности подвергаются жизни миллионов людей и даже все человечество. При этом ощущение опасности и риска стало всеобщим и постоянным даже в тех странах, которые прежде не знали серьезных угроз своему существованию.

К началу 90-х годов прошлого века проблема глобализации риска достигла такого уровня, когда Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию вынуждена была поставить вопрос о необходимости новой модели развития цивилизации, получившей название «устойчивое развитие» (sustainable development). В ее основе лежит осознание риска прекращения существования человека как биологического вида. При таком подходе к определению риска причиной, порождающей его, выступает человек, неспособный существовать в гармонии с природой, а жертвой становится человечество, утрачивающее возможности для выживания настоящего и будущего поколений.

По мнению У. Бека, новизна глобального общества риска имеет две стороны: первая «заключается в том, что, принимая цивилизационные решения, мы обуславливаем возникновение таких глобальных последствий и угроз, которые принципиально не поддаются языку институционализированного

контроля». Именно в этом состоит политическая взрывоопасность глобального общества риска.

Второй стороной глобального общества риска стала беспомощность социальных институтов при возникновении терроризма как глобальной угрозы, которая предопределяет настоящую потребность в реформировании или создании новых институтов.

Глобальное общество риска возникает и существует как «осознание проблемы глобальных последствий цивилизационных процессов, неважно какую форму глобальности они имеют, будь то информационно-технологические сети, финансовые потоки, природные катаклизмы, культурные символы, грозящая климатическая катастрофа или терроризм. Речь идет о рефлексивности глобального общества риска, которая, с одной стороны, нарушает молчание слов и до боли обостряет сознание глобальности собственной жизненной ситуации, а с другой стороны — порождает новые линии конфликтов и, кстати, формирует новые виды союзничества» [7].

Последствия катастроф мирового масштаба принципиально не просчитываемы. По сути, речь идет о гипотетических или виртуальных рисках, которые не в последнюю очередь опираются на утверждаемую самой наукой невозможность знания и пронизывающие науку нормативные разногласия.

Можно выделить три измерения угроз, которые несет в себе глобальное общество риска; каждое из них следует собственной логике конфликта, поднимает или вытесняет свои темы, устанавливает или отбрасывает свои приоритеты:

- во-первых, это экологические кризисы;
- во-вторых, глобальные финансовые кризисы;
- в-третьих, что стало очевидно после 11 сентября, — террористические угрозы, исходящие от транснациональных террористических сетей [7].

В новых условиях нависшие над природой и человечеством опасности лишают риски индивидуального характера, экологические риски становятся глобальными. Кроме того, экологические риски все труднее понять и осознать — сущность их действия заключена в загадочных для простого человека химических (токсины) или физических (электромагнитные поля) формулах. Еще одна важнейшая особенность экологических рисков обусловлена

количеством новых технологий. Действительно, вводимых посредством их в биосферу веществ так много, что это делает практически невозможной оценку всех вызываемых последствий.

Можно сказать, что бедность как бы притягивает к себе риск. Это касается и экологических рисков — компании и фирмы развитых стран выносят вредное производство в бедные страны Азии, Африки и Южной Америки. Казалось бы, богатые классы могут откупиться от экологического риска. Однако в обществе риска действует так называемый эффект бумеранга. Для экологических катастроф не существует ни государственных границ, ни классовых различий. Радиоактивные осадки в результате испытаний ядерного оружия или аварий на АЭС, кислотные дожди, изменения климата в равной степени действуют как на богатых, так и на бедных.

Что же касается экспорта вредных производств, то эффект бумеранга проявляется и здесь. Выращенные в бедных странах культуры — кофе, какао, фрукты — все в большей степени оказываются загрязненными (как пестицидами, так и токсикантами, выброшенными из труб химических предприятий). Ввоз таких продуктов в страны Запада сопровождается увеличением риска для их населения. Таким образом, рано или поздно риску подвергаются и те, кто вначале извлекал пользу из развития опасных технологий.

Наихудший сценарий будущего человечества, как известно, включает в себя ракетно-ядерную войну, в которой не будет победителей. Пессимистические варианты эволюции общества риска в определенной мере схожи с этим сценарием, так как и после глобальных экологических катастроф на Земле не останется ни экологических преступников, ни их жертв.

3. Риски научно-технического прогресса

В современном мире с возрастанием скорости научно-технического прогресса увеличивается глобальный разрыв между миром обозримых рисков, в границах которых мы мыслим и действуем, и миром необозримых угроз. Это связано с тем, что научно-технические достижения в области атомной энергетики, генно-инженерных, нанотехнологий и других высоких технологий несут непредсказуемые, не-

контролируемые и необъяснимые последствия для жизни человека [8].

К середине 70-х годов XX века на повестку дня была поставлена новая научная проблема — как обеспечить выживание человечества в условиях нарастающей волны технологических рисков и как удержать риск в допустимых пределах. Осмысливанию нарастающих угроз в немалой степени содействовала деятельность Римского клуба, основанного в 1968 г. итальянским общественным деятелем А. Печчеи и объединившего около ста ученых, представителей политических и деловых кругов из различных стран мира. Ученые были единодушны, приходя к выводу, что при сохранении существующих тенденций научно-технического прогресса и экономического развития человечество в первой половине XXI века ожидает глобальная катастрофа.

Все многообразие рисков, связанных с неконтролируемыми последствиями развития техники и современных технологий на среду обитания человека, объединяются под общим понятием «технологический риск» [9].

К технологическому риску относятся, во-первых, риск экологической катастрофы, вызванный вмешательством человека в природу. Такая деятельность, независимо от желания людей, способна привести к нарушению природного баланса физических, химических, геологических, биологических, климатических связей, имеющих решающее значение для всей системы жизнеобеспечения планеты. Загрязнение воздуха и воды, накопление отходов химического производства, атомной энергетики, применение пестицидов, минеральных удобрений, вырубка лесных массивов, создание искусственных водоемов, осушение болот приводят к необратимым изменениям в природе, представляя возрастающую угрозу здоровью и сложившемуся образу жизни людей.

Во-вторых, все виды рисков, связанных с негативными последствиями научно-технического развития. Ставя под сомнение незыблемость и непогрешимость науки как источника прогресса, современная рискология приходит к выводу об амбивалентности (двойственности) научных и технических инноваций. Аварии на атомных электростанциях, транспортные и космические катастрофы, взрывы газопроводов, унесшие жизни

сотен и тысяч людей, свидетельствуют, что никто не застрахован от несчастного случая, вызванного несовершенством современной техники.

В-третьих, риски, являющиеся следствием уязвимости субъективных компонентов человеческого фактора. Применение современных технологий и технических средств неизмеримо повышает цену ошибки, особенно ошибки управления. Несоблюдение технологической дисциплины, нарушение правил техники безопасности, неосторожность и разгильдяйство занимают одно из ведущих мест среди причин разного рода инцидентов со смертельным исходом или с тяжкими увечьями.

Особую опасность этот фактор риска представляет в связи с ошибками управления. Тогда жертвой нарушений может стать любой человек, а счет пострадавшим идет уже на десятки, сотни и тысячи. Ошибка водителя автомобиля может стоить жизни уже не одного, а нескольких человек, ошибка авиадиспетчера — сотням, ошибка оператора атомной электростанции становится национальной или даже мировой катастрофой.

Место, время, масштабы и последствия техногенных катастроф предсказать невозможно. Поменять мировоззрение большой массы человечества способны были только глобальные техногенные катастрофы, такие как взрыв реактора на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС 1986 г. и события на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. К ним нужно добавить аварию на нефтеплатформе *Deerwater Horizon* в Мексиканском заливе 20 апреля 2010 г.

Не случайно, что самые крупные техногенные катастрофы произошли в атомной энергетике. Именно эти два события обнажили противоречивость человеческого развития. Чернобыль и Фукусима заставили людей ощутить хрупкость природы, задуматься о необратимых последствиях рисков прогресса, а также показали бессилие человека против них.

По выражению французского эксперта по техническим рискам П. Лагадека, сейчас *катастрофы перестают быть единовременными событиями и превращаются в процесс*.

Американский футуролог и публицист Элвин Тоффлер в своей книге *«Шок будущего»* (1970) видел исток футурошока только в машине, в технологии. Это ее скорость рождает неслыханные темпы му-

таций. Вот почему, как он считал, миллионы людей охвачены возрастающим чувством тревоги. Шок, который испытывают люди, приводит к психологическому онемению, они не могут ориентироваться в окружающей жизни, теряют способность разумно управлять событиями, которые стремительной лавиной обрушиваются на их головы [10].

В книге Тоффлера много говорится о научных открытиях, которые ставят массу этических и философских проблем. С некоторым промедлением, нежели предполагал Тоффлер, заговорили о клонировании человека, о генной инженерии, о возможностях модульного принципа человеческих отношений.

На фоне новой развертывающейся волны наукоемкого развития происходит вторжение в саму природу человека. Сторонники таких движений, как трансгуманизм и иммортализм, утверждают, что развитие современных технологий в будущем сможет превратить человека в «постчеловека», который преследует цель совершенствовать себя, начиная с генного уровня. Для этого, не подозревая о возможных последствиях, человек сможет изменить биологическую природу, проникнув в свой геном, хранилище наследственной информации.

4. Риск как базисный фактор информационной эпохи

В 80-е годы XX века доминирующей тенденцией развития современной цивилизации становится переход многих передовых стран мира от постиндустриального к информационному обществу, в котором знание является источником динамизма и инноваций, механизмом обретения власти и основой социальной организации. Поэтому не собственность, а знание, информация и их производство приобретают статус главной заботы постиндустриального общества.

Становясь все более рефлексивным, знание ложится в основу критического анализа и изменения способа организации жизни индивидов и социальных групп. Организационно-технологической основой информационного общества становятся глобальные информационные сети. Однако с развитием информационно-коммуникационной среды общественной жизни все более очевидными представляются не калькулируемые последствия так на-

зываемой третьей волной, обозначающей, по Э. Тоффлеру, информационное общество.

Поколебленная надежность всех существовавших до настоящего времени основ познания, изменчивость знания как такового и, наконец, подрыв доверия к науке, не всегда адекватно и честно информирующей общественность о всевозможных угрозах, не только не снимают неопределенность на социальном уровне, но значительно ее обостряют. Следовательно, подразумевается, что сама научная информация может служить источником угроз. Появилось понятие «опасное знание» — полученная в ходе научных исследований информация о человеке и окружающей среде, отрицательные последствия которой общество на данной фазе своего развития не способно эффективно контролировать [24].

Опасное знание — предпосылка возникновения и источник социального риска. Концепт опасного знания содержит в себе необходимость осмысления того факта, что знание несет в себе возможность негативного воздействия на жизнедеятельность и состояние людей, их институтов и общностей, а также опасности проникновения в биологическую природу человека, что требует научного определения допустимых рисков и пределов такого проникновения.

Многие риски сегодня оцениваются как скрытые, латентно протекающие. Скрытый риск во много раз опаснее, поскольку его практически невозможно предотвратить и заранее просчитать масштабы его последствий. С латентностью риска напрямую связана такая его новая черта, как компактность: риски становятся удобными в использовании и распространении, особенно в виртуальном пространстве.

Примером такого риска может служить применение компьютерного вируса Stuxnet, целевым результатом работы которого является не просто искажение информации, а реальное физическое воздействие, которое разрушает или выводит из строя дорогостоящее оборудование стратегического назначения. Потенциально такие атаки способны привести к катастрофическим последствиям. Stuxnet в 2010 г. проник в закрытую сеть иранского ядерного центра в Натанзе через обычный сменный накопитель и смог инфицировать диспетчерские

компьютеры. Мощные двигатели, следуя командам на резкие изменения скорости вращения, вывели из строя 1368 центрифуг из 5000 на заводе по обогащению в Натанзе.

Наступление эпохи знаний и формирование мирового информационного пространства совпали с протекающими в экономике, науке, культуре процессами глобализации. Эти процессы потребовали эффективным орудием манипуляции массовым сознанием во имя корпоративных интересов тех или иных социально-политических сил или коммерческих кругов.

Результатом воздействия несущих такого рода информацию средств является не только социально-психологический тип и поведение отдельных индивидов или групп, но и особое общественное сознание, отражающее национальный менталитет. Представляя собой не статическое или сиюминутное явление, а социальный процесс, социальная информация оказывает долговременное влияние на общество и его сегменты.

В этом обществе информация, связанная с созданием, воспроизведением и хранением смыслов, приобретает решающую роль. Формой хранения информации является *симулякр* (копия, не имеющая оригинала в реальности) как модель реального объекта или события. Современный человек теряет связь с реальным миром. Он живет среди моделей-симулякров. В результате противоположность настоящего и искусственного исчезает. В политике благодаря репродуцированию идеологий снимается различие между правым и левым, в науке — между истинным и ложным. Средства массовой информации охотятся за сенсациями или искусственно их создают. В предшествующих типах общества имела вера — сначала религиозная, потом научная, которая давала представление о конечной цели. В информационную эпоху технологическое развитие привело к тому, что внимание переключилось с целей на средства. Не поиск истины, а решение статусных проблем стало главным.

Создание новой информационно-коммуникационной виртуальной среды приводит к возникновению целого ряда антропологических рисков. Прежде всего это риск утраты идентичности. Организующим принципом культурной жизни человека в информационном обществе становится принцип

трансформации. Игровая деятельность пронизывает все сферы социальной жизни. Она считается тем многограннее и эффективнее, чем более раскрепощена психика. Освобожденная от традиционных запретов психика получает возможность реализовать себя самым невероятным образом.

Конструирование действительности становится основополагающим свойством человека. «Новый человек» теряет стержневую основу, жизнь превращается в калейдоскоп образов, в набор ролей, продуцируемых сознанием человека под влиянием массмедиа. Противоречивая сущность антропологического риска утраты идентичности проявляется в том, что, с одной стороны, личность человека становится многограннее, расширяется возможность выбора и творческих экспериментов, а с другой стороны, теряется связь с реальным миром, размывается представление о собственном статусе, целях и смысле жизни.

В начале XXI века акцент в анализе социальных реалий информационного общества сместился в сторону интереса к знаниям как особому виду информации. Для того чтобы быть успешным в современном мире, необходимо достаточно быстро обновлять имеющиеся знания и виды деятельности. В связи с этим возникают специфические риски, которые можно было бы назвать антропологическими рисками гиперактивности. Они связаны с тем, что специалист на рынке труда вынужден постоянно менять профиль деятельности, чтобы быть востребованным. Информационное общество требует систематического повышения квалификации. Информационные технологии и связанный с ними характер деятельности меняются столь быстро, что речь идет о необходимости непрерывного обучения в течение всей жизни. Обучающийся сам выбирает тот или иной стандарт обучения.

Одной из важнейших проблем является выработка особых качеств, связанных с постоянным переобучением и своего рода перепрограммированием самого себя в зависимости от меняющихся потребностей интенсивно развивающейся деловой среды.

Испанский социолог Мануэль Кастельс (1944) в книге «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» вводит особое понятие «самопрограммирующаяся рабочая сила», которое достаточ-

но точно отражает потребности информационного общества. Возникает необходимость непрерывного обучения: накопленный работником запас знаний и информации может расширяться и видоизменяться на протяжении всей трудовой жизни. В результате от специалиста требуется не просто освоение определенного знания, а в первую очередь владение методологией поиска нового. В современном обществе достаточно сложно определить, какой фрагмент имеющегося знания понадобится специалисту для решения той или иной нестандартной проблемы. В поисках компенсации привлекаются значительные массивы информации. Знание теряет системность и целостность, часто превращаясь в мозаичный набор отдельных фрагментов, обеспечивающих те или иные срезы деятельности [11].

Расширение знания ведет к потребности нового знания, что порождает парадоксальную ситуацию постоянного дефицита знания. В этом смысле информационное общество является хронически недоинформированным.

Кризисные явления, охватившие все сферы общественной жизни, сливаются в общую картину комплексной трансформации человечества, его перехода в качественно новое и еще не понятное нам состояние. Поскольку неизвестность пугает сильнее любой определенной угрозы, будущее обсуждается в основном в категориях проблем, а не возможностей. Если на протяжении всей своей истории человечество меняло окружающий мир, то теперь вектор развития разворачивается: человечество начинает заниматься изменением себя самого [12].

На поверхности эти фундаментальные изменения проявляются через стихийное повсеместное приспособление социальных отношений, соответствующих индустриальным технологиям, к идущим им на смену качественно новым постиндустриальным технологиям. Пока это в основном информационные технологии, но основной их особенностью, вероятно, будет нацеленность на преобразование человека — как сознания, так и тела, а главное — на расширение психоэнергетических возможностей.

Пока человек менял окружающий мир, он нуждался в максимально точном знании о нем. Когда же главным делом становится изменение своего сознания, сфера приоритетов сжимается с науки, изуча-

ющей все сущее, до узкого круга людей, изучающих методы воздействия на сознание.

То, что объектом изучения стал сам инструмент этого изучения — сознание человека, порождает огромное количество обратных связей, резко снижающее познаваемость объекта. В результате работа с сознанием переориентируется с поиска истины на достижение конкретного результата, с изучения реальности на изучение возможностей манипулирования. Научный подход становится ненужным, а с ним ненужной становится наука и обеспечивающее ее образование в их классическом виде эпохи научно-технической революции.

5. Риск как атрибут современного общества

Современное общество всегда находится в зоне риска. Избежать появляющихся угроз риска никому не удастся. Поэтому сегодня риск — это общий признак и основание современного общества.

Э. Гидденс отмечает то, что современное общество рискогенно в принципе, так как даже бездействие чревато риском. При этом современный мир структурируется, главным образом, рисками, созданными самим человеком и образующими среду риска [5].

В начале XXI века интенсивность и многообразие рисков нарастают столь быстрыми темпами, что ученые стали говорить о риске как неотъемлемой черте современного общества, способной привести его к разрушению и гибели. Современное общество постепенно превращается в общество высокого риска. Риск в широком смысле слова становится наиболее общим признаком и основанием современности.

В этих условиях и существование человека становится все более рискогенным. Современный человек не только попадает в ситуации риска, но и сам их провоцирует и создает, пытаясь выжить в условиях «общества риска». Это поставило перед человечеством задачу адаптироваться к новым рисковым условиям жизни, минимизировать последствия рисков.

Современное изучение риска связано с глобализирующимся миром, при этом глобализация выступает как фактор, интенсифицирующий риски. Проблема адаптации человека к условиям риска

в основном рассматривается в контексте общего анализа адаптационного поведения населения в современных условиях.

Сегодня рисками пронизаны все уровни организации и функционирования общества. Современное общество является обществом тотального риска, для которого характерно как наличие риска на всех уровнях его организации и функционирования, так и формирование человека нового типа — «*рискового человека*». «*Рисковый человек*» — это человек, обладающий необходимыми для жизни в обществе риска социальными качествами, осознающий ответственность за свою рисковую деятельность, способный произвести оценку риска, прогнозировать последствия (насколько это возможно) рискованной ситуации, определять стратегию адаптации и быстро восстанавливаться после негативных последствий риска [13].

Выявлен и позитивный потенциал риска, благодаря которому человек и общество используют риск как новый вид ресурса и, преодолевая ситуацию неопределенности, совершают качественный скачок в своем развитии.

Переход к развитию индустриального типа общества, фундирующегося на активном освоении природных ресурсов, привел к возникновению нового вида риска — технологического, который был спровоцирован пагубным влиянием самого процесса производства или его результатов на здоровье человека и на природную среду.

В конце XX века издержки научно-технической революции становятся настолько велики, что возникает вопрос: можно ли вообще говорить о движении человечества по линии прогресса? Развитие автоматизированных систем управления, замена человека бездушными машинами — роботами, создание компьютеров и мобильной связи приводят к увеличению новых видов рисков и осознанию тупика индустриализма.

Ученые тщетно пытаются дать определение риску. При этом они соотносят риск уже не просто с возможностью удачи или неудачи, а определяют его как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации с неизбежным выбором, в процессе которой имеется возможность оценить вероятности достижения предполагаемого результата, неудач и отклонения от поставленной

цепи. Тем самым они полагают, что современный человек попал в зону бесконечных рисков, которые сопровождают его практически ежедневно.

На рубеже XX—XXI веков появляются не только новые виды рисков, но даже у «старых», традиционных рисков появляются новые черты. Так, в современном обществе риски приобретают рикошетный характер, утрачивают избирательность, становятся массовыми.

Негативный потенциал риска объясняется тем, что идет активный процесс трансформации среды жизнеобеспечения людей в среду жизнеуничтожения. Длительный кризис и нестабильность проникли во многие сферы жизни общества и накопились на макроуровне в форме устойчивого ожидания риска. Можно констатировать, что проблема адаптации к обществу риска касается сегодня большинства людей. Человечество начинает серьезнее относиться к этому сложному процессу, ведь будущее нашего общества с трудом поддается прогнозированию, а риски будут возникать и возрастать с еще большей скоростью. Зона риска при таких условиях продолжает расширяться, что требует выработки нового отношения к риску — как имманентному признаку современного социального бытия.

Сегодня риск — это не только опасность проиграть, но и возможность выиграть, не беспомощное ожидание, а сознательный выбор. Риск стал характеристикой сознания общества рубежа XX—XXI веков.

6. Риски сложного социума

Сложный социум — это и новые скорости социальных изменений. Не только сокращается социальная дистанция и время для людей, проживающих в различных регионах мира, но и мы подошли к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное — решения с гуманными целями и средствами; постоянно увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего. Это касается времени адекватного функционирования институциональных структур, жизни референтов, включая идеалы, ценности, авторитеты, знание, которое считается научным; всегда люди одного поколения жили в одно историческое время. Сегодня мы стал-

живаемся с эффектом временного дисхронизма: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [14].

Виртуальная реальность — важная составляющая сложного социума. В нашу жизнь пришли симуляции и симулякры, что предполагает знаковый, кодированный способ отображения реалий и событийности посредством символической формы. Сложность виртуальной реальности проявляется в том, что стираются различия между реальным и воображаемым.

В сложном социуме возникают гибриды социального и физического. Природа перестает быть просто средой жизни человека, превращаясь в органическую часть социума, рефлексирующего вместе с ним.

Если прежде сочетание несочетаемого выражалось в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое живое, то ныне возникли вполне реальные гибриды живого и неживого, физических и социальных отношений, которые ныне получают повсеместное распространение в среде и новейших технологиях.

Качественно новые характеристики сложных социальных реалий, взятые в совокупности, позволяют сделать следующий вывод: мир вступил в сложный социум.

Американский социолог Ч. Перроу метафорически назвал новые социальные уязвимости «*нормальными авариями*», под которыми им понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а обусловлены его естественным взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами, периодически дающими «нормальные» сбои: «серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности» [15]. Суть их сложности еще и в том, что они могут произойти в виде «вдруг-событий», а могут и вовсе не произойти.

Однако вплоть до недавнего времени причиной катастроф мыслились *внешние факторы* как результат природных процессов или человеческой деятельности. Ч. Перроу показал, что катастрофы ныне обретают еще *более сложную природу*. Их причинами могут быть и *внутренние факторы*, обусловленные естественным (нормальным) взаимодействием

человека *со сложными* системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимно влияющие друг на друга неудачи, — отмечает он, — становятся системно неизбежными» [15].

В новой книге «*Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий*» Ч. Перроу показывает, что социальная уязвимость продолжает становиться и усложняться, в частности утверждая, что «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак» [16].

При этом им выделяются три основных источника уязвимостей: концентрации энергии (взрывных и токсичных веществ), концентрации населения в зонах риска и концентрации экономической и политической власти [19]. Особое беспокойство ученого вызывает рост населения в экологически и технологически опасных зонах, число которых увеличивается. В них одновременно осуществляется промышленная добыча природных ископаемых и интенсифицируется развитие земледелия, рыбных хозяйств, создаются культурные объекты. При этом значительная часть населения живет в домах, не соответствующих необходимым стандартам для опасных территорий, не имеет возможности самостоятельно эвакуироваться в случае бедствия и часто не обладает информацией о потенциальных рисках.

Минимизацию риска «нормальной аварии» социолог видит в отказе от сложных систем вообще. «Теория нормальной аварии исходит из того, — утверждает Перроу, — что если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны; нам не следует рисковать».

Природные катастрофы, промышленных и технологических, террористических угроз за последние десятилетия становятся все больше, и нет никаких признаков их уменьшения (таблица). Погодные

Статистика крупнейших природных катастроф в мире [17]

Таблица

Годы	1950—1959	1960—1969	1970—1979	1980—1989	1990—1999	1992—2002	1998—2008
Число природных катастроф	20	27	47	63	91	70	83
Экономические потери, млрд долларов	42,1	75,5	138,4	213,9	659,9	550,9	566,8

катаклизмы будут и далее учащаться; мелкие промышленные аварии также грозят участиться, как и кибератаки на объекты критически важной инфраструктуры; террористы не спят, и мы вполне можем ожидать новых терактов. Катастрофические фантазии множатся в кино и на телевидении, а ученые пишут книги, где слова «коллапс», «катастрофа», «наш последний час» и «худшие случаи» мелькают на обложках.

С одной стороны, нормальные аварии потенциально представляют собой побочную дисфункциональность сложных систем. Но с другой — они являются продуктом опосредованной, рискогенной деятельности людей, которую в принципе можно было бы избежать, а также результатом доминирования стереотипов и традиционных взглядов на новые проблемы социально-экономического становления.

Сам сложный социум содержит в себе имманентную уязвимость в виде потенциальных катастроф. Сравнительно недавно катастрофа мыслилась как событие, влекущее за собой *непоправимые последствия*. П. Сорокин показал *интегральную сущность* этого явления, определив катастрофу как бедствие с трагическими последствиями, которые вместе с тем имеют обучающее значение [19].

7. Риски российского общества

Россия перешла определенный порог динамической сложности в развитии своего социума, который стал качественно иным — сложным. За этим стоит не только появление новых привлекательных форм жизнедеятельности, но и зарождение невиданных ранее уязвимостей и рисков [19].

Во-первых, возникли уязвимости для самодостаточности общества. Как известно, Т. Парсонс под самодостаточностью понимал свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся в способности контролировать не только внутрен-

ние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [2]. Процессы хаотизации, разрывы в преемственности ценностей и норм, социокультурные травмы могут привести к столь необратимым последствиям, что общество просто утратит свою способность контролировать внутренние процессы.

С другой стороны, уже очевидно, что взаимоотношение социальной и природной систем нарушено. Нужна новая экологическая политика, исходящая из того, что природа перестает быть просто средой жизни россиян, превращаясь в органическую часть социума. По существу, сегодня мы имеем дело не с чистой природой как внешней средой общества, а с природосоциальными реалиями.

Во-вторых, возникли уязвимости неуправляемой открытости российского общества, порождающие специфические риски. Как известно, развернутую концепцию открытого общества создал австрийский и британский философ и социолог К. Поппер (1902—1994), показавший, что историческое развитие человеческой цивилизации идет по пути перехода от закрытого общества, жестко регламентировавшего все стороны жизни людей, к обществу открытому, создающему условия для развития индивидуальных свобод человека [20].

Россия превратилась в действительно открытое общество. Однако этот процесс уже вызывает не только восторг по поводу реально появившихся свобод, но и социальные страхи и тревоги, связанные с приходом в нашу жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера. Дело в том, что открытое общество вбирает в себя чужие опасности из других социумов.

Границы страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, а в значительном компоненте

неупорядоченного хаоса в виде экспансии самых разных субкультур и контркультур, резкого увеличения неуправляемой эмиграции и иммиграции, появления новых форм девиантного и криминального поведения. Все это таит в себе латентные отложенные опасности социально-экономических и политических кризисов. Локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм, где бы они ни имели место, оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Кроме того, увеличивается производство новых маргинальных групп — людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска.

В-третьих, сам сложный социум содержит в себе имманентную уязвимость в виде потенциальных катастроф. П. Сорокин показал интегральную сущность этого явления, определив катастрофу как бедствие с трагическими последствиями, которые вместе с тем имеют обучающее значение [18]. Однако вплоть до недавнего времени причиной катастроф мыслились внешние факторы как результат природных процессов или человеческой деятельности. Ч. Перроу, предложивший термин «нормальные аварии», показал, что катастрофы ныне обретают еще более сложную природу. Их причинами могут быть и внутренние факторы, обусловленные естественным (нормальным) взаимодействием человека со сложными системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимовлияющие друг на друга неудачи, — отмечает он, — становятся системно неизбежными» [15].

В-четвертых, новые уязвимости создаются процессом усложнения самих рисков. Развивая свои взгляды на усложняющуюся природу рисков, У. Бек предложил новаторскую теорию мирового общества риска, подчеркивая, что «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска».

В-пятых, новые уязвимости создаются социальной и культурной динамикой цивилизаций, характером их взаимодействий, от чего зависит и судьба России. Это одна из сложных уязвимостей современности.

В-шестых, возникли новые уязвимости для человеческого капитала россиян. Содержание и характер человеческого капитала не имеют универсального характера: они изменяются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах, зависят от ментальности народа, его национального характера. В силу особенностей ментальности российские граждане воспринимают современные усложняющиеся реалии иначе, чем жители западных стран, что, в частности, можно видеть на примере отношения к демократии.

Современное содержание человеческого капитала все более и более обретает сетевой характер и в силу утверждающегося сетевого общества просто не может быть иным. Тому способствует увеличивающаяся открытость социума. Наряду с очевидными благами открытое общество несет в себе имманентные опасности, явные и латентные, так или иначе затрагивающие количественные и качественные параметры человеческого капитала.

Общество, основанное на функционировании глобальных сетей, неизбежно соприкасается с чужими опасностями из других социумов, что также влияет на характер человеческого капитала.

Российский ученый О.Н. Яницкий на основе идеи «общества риска» разработал концепцию «Общества всеобщего риска» [22, 23], распространив ее на российское общество, рассматриваемое им как рискогенное, где исчезает положительное соответствие соотношения производства благ и производства рисков, а распространение рисков становится повсеместным. Угрозы природного и антропогенного характера, создаваемые технологическими возможностями современного общества, к тому же дополняются социогенными рисками и опасностями, что вызывает нестабильность общества риска в социальном, политическом, экономическом и других отношениях. К факторам развития такого общества автор относит следующие: расшатывание основ рыночной экономики, ломку уже устоявшихся социальных структур, осторожный подход к науке, увеличивающуюся подчиненность обыденной жизни людей экспертному знанию, нереальность предвидения косвенных моментов научного и технологического развития, составляющих основу социальных потребностей общества.

8. Проблемы управления рисками в современном обществе

В современном мире управление риском является неотъемлемой частью общей системы управления любой организации, которая должна постоянно отслеживать возможные неблагоприятные изменения ситуации, держать их под контролем, адекватно реагировать.

Проблемы управления рисками в современном обществе сводятся к тому, как вести управление рисками с целью такого их распределения, при котором, с одной стороны, не тормозился бы научно-технический прогресс, а с другой — соблюдались бы требования (экологические, медицинские, психологические и социальные) приемлемости рисков.

Развитие научно-технологического знания в современном мире приводит к непропорциональному развитию опасностей и рисков, возникновению неведомых ранее угроз жизнедеятельности человечества и к растущей неопределенности [24].

Наиболее актуальными являются вопросы формирования эффективной системы управления риском в сфере экономики, высокий динамизм которой объективно обусловлен масштабными процессами интернационализации и информатизации, ускорением научно-технического прогресса, изменением принципов построения отношений между странами и регионами, снижением естественных запасов природных ресурсов.

Управление риском функционально становится той подсистемой управления, которая направлена на поддержание устойчивого продвижения экономического субъекта к достижению поставленной цели, определяет повышение его способности противодействовать возможным опасностям при максимальном использовании шансов на получение целевого результата [26].

Принципы, определяющие общие требования к построению системы управления риском как особого феномена действительности:

1. Принцип осознанной необходимости в принятии риска: любой субъект, принимая на себя риск, должен идти на него сознательно и ответственно.

2. Принцип управляемости риском: в отличие от неопределенности риск имеет количественные и качественные характеристики, поддается в процессе

деятельности оценке и прогнозированию, а следовательно, управляем.

3. Принцип допустимости риска: возможные негативные последствия риска не должны противоречить общечеловеческим ценностям (требованиям норм морали, охраны окружающей среды и безопасности жизнедеятельности) и действующему законодательству.

4. Принцип приемлемости риска: преобладание положительной разницы между возможным выигрышем и проигрышем от рискованных действий в тактическом и стратегическом масштабах.

5. Принцип широты пространственно-временного охвата проблемы реализации интереса субъекта: отслеживание направленности динамики всех заинтересованных сторон и учет фактора времени.

6. Принцип направленного выбора: в первую очередь необходимо отслеживать и осуществлять мероприятия по управлению теми факторами риска, которые в наибольшей степени способны дестабилизировать деятельность [26].

Глобальному обществу риска необходима безопасность, которую можно определить как комплекс достаточных и необходимых мер, способных обеспечить благосостояние каждого человека; защищенность всех сфер жизнедеятельности человека от неконтролируемых и непредсказуемых рисков и угроз.

Безопасность предстает как антипод риска и является одной из главных социальных ценностей, необходимых для общего выживания и дальнейшего развития.

В научной литературе обозначились три основные стратегии безопасности: 1) стратегия исчисления риска, ориентированная на предупреждение чрезвычайных ситуаций и статистическое описание ущербов и последствий от техногенных рисков; 2) стратегия адаптации к рискам и опасностям; 3) стратегия управления рисками за счет формирования культуры безопасности.

Рассмотрение первой стратегии безопасности предлагает У. Бек. Он определяет исчисление риска как предсказуемую безопасность перед лицом открытого будущего. Однако в глобальном обществе риска с возникновением мегаугроз, связанных с применением атомных, химических, генетических, экологических технологий, созданная ранее на ос-

нове математической статистики система исчисления риска в XXI веке становится неэффективна, т.е. безопасность не может сегодня определяться только исчислением риска.

Сторонники следующего подхода в качестве стратегии безопасности предлагают адаптацию человека к условиям общества риска. Однако в последнее время положение дел значительно изменилось. Научно-технический прогресс развивается настолько стремительно, что качественно и количественно изменяет характер опасностей и рисков. Более того, невозможно адаптироваться или спастись бегством от рисков и опасностей, возникающих в результате Чернобыльской аварии или катастрофы на японской АЭС «Фукусима-1».

Новой стратегией безопасности современного общества стало формирование культуры безопасности, стратегической партнерской культуры компромисса, культуры предотвращения. Сегодня в обществе имеет место социальный заказ именно на такую стратегию, он обусловлен острой необходимостью предсказывать чрезвычайные ситуации, смягчать их последствия, повышать эффективность социальных институтов и улучшать состояние защищенности в целом.

Основной целью формирования культуры безопасности должно стать снижение рисков и опасностей за счет человеческого фактора, поскольку в большей степени именно этот фактор способствует возникновению техногенных катастроф. В основу культуры безопасности должны быть положены: особая мировоззренческая база, устойчивые правила поведения членов общества, этика науки, понимание основополагающих ценностей и регулятивов современного техногенного общества.

Тенденция к росту происшествий характерна как для всего мира, так и для нашей страны. В России также происходит концентрация объектов, использующих и производящих опасные технологии. Следовательно, отсутствие расчетов степени допустимого риска приводит к негативным последствиям как в социальной, так и в технической сферах.

Минимизацию проблем уязвимостей ученые видят в разработке новых подходов к управлению становящимися сложными системами. Среди мер — рассредоточение концентраций энергии, населения в зонах риска, а также экономической и политиче-

ской власти; координация и кооперация служб, занимающихся проблемами безопасности.

Необходимой становится разработка концептуальных подходов, методологии и методики управления рисковыми ситуациями. Необходимо признать, что ситуаций, которые были бы полностью гарантированы от риска, не существует. Даже самая совершенная технологическая система не способна обеспечить нулевой риск. Следовательно, практика нуждается в такой системе защиты от неоправданного риска, которая, с одной стороны, носила бы независимый и междисциплинарный характер, а с другой — не являлась бы орудием в руках отдельных служб и ведомств, манипулирующих ею в своих интересах.

Основные требования к системе управления рисковыми ситуациями включают в себя:

- определение места и роли риска в системе стабильного-нестабильного мира;
- прогнозирование риска и смягчение последствий чрезвычайной обстановки с целью определения вероятных источников и зон риска, разработку мер по компенсации возможного ущерба;
- внедрение методики расчета допустимого риска, на основе которой можно решать вопросы принятия мер или отказа от вмешательства в чрезвычайные ситуации;
- адекватное реагирование на развитие той или иной ситуации, а также эффективное оказание населению необходимой помощи.

При условии своевременной реализации перечисленных требований можно утверждать, что непредсказуемые и непредвиденные ранее рисковые ситуации при новом порядке будут поставлены под известный контроль.

В то же время рано или поздно разработка мер по борьбе со стихией, стихийными бедствиями и ликвидацией ущерба, наносимого авариями, должна производиться в плановом порядке и на долгосрочной основе. Нужно преодолеть укоренившееся правило, по которому на материальной помощи заканчивается всякая поддержка пострадавших в чрезвычайных ситуациях.

В случае катастрофы, произошедшей по явной вине тех или иных территориальных органов, центральные власти не должны нести ответственность за их нераспорядительность, а местные орга-

ны не должны терпеть ущерба в результате некомпетентного вмешательства центра. Этот принцип нашел отражение в российских и международных правовых документах. Но в международных правовых документах программы ликвидации последствий катастроф включают в себя комплексную помощь. В них жертвы катастрофы становятся объектами социального внимания и помощи до полного преодоления ущерба, нанесенного бедствием их материальному положению и здоровью. Личность становится объектом социального внимания и заботы.

Для современного общества XXI века ключевой проблемой является существенное увеличение удельного веса искусственных регуляторов в единой целостной суперсистеме «общество — техносфера — природа». При этом основное внимание ученых, политиков и общественности концентрируется в первую очередь на фундаментальных проблемах управления, связанных с безопасными ресурсосберегающими технологиями и новой организацией открытого общества риска. Принципиальное отличие стратегий технологической деятельности человека в начале XXI века состоит в освоении существенно новых типов объектов и процессов, представляющих собой весьма сложные саморазвивающиеся макросистемы.

Из них наиболее важное место занимают так называемые человекообразные системы, которые включают в себя человека в качестве особого компонента. Отсюда следует, что наступило время создания целостных человеко-машинных комплексов — развивающихся динамических макросистем «человек — техническая система — техносфера», в которые внедряются новые безопасные технологии с учетом особенностей социокультурной среды [21].

В XX веке возникли глобальные проблемы как основной источник чрезвычайных ситуаций в обществе риска, существенно изменились системные свойства нашего мира и увеличилась его человекозависимость.

При этом в измерении риска человеческий фактор стал играть новую роль. Совсем недавно считалось, что катастрофы и чрезвычайные ситуации — это нечто внешнее и не зависящее от нас, что это рука судьбы и, следовательно, предмет заботы политиков. Однако если все же следовать идее устойчивого развития общества и сделать его максимально

безопасным, то сознание людей должно быть в корне изменено. Суть дела в том, как показал анализ многих катастроф, что зачастую их источником, то есть слабым звеном, является человек, именно в себе «хранящий» значительную часть опасностей и рисков. Это означает, что в первую очередь в изменении отношения людей к пониманию сущности риска лежит огромный ресурс и для решения глобальных проблем, и для повышения устойчивости развития общества.

В XXI веке ведущей тенденцией в развитии общества станет рождение новых обобщающих подходов, междисциплинарный синтез многих наук для решения возникающих проблем управления рисками.

Понимание риска как *меры опасности* — это важнейший шаг в направлении решения проблемы управления ситуацией, в которой доминируют факторы, неблагоприятно воздействующие на человека, общество и природу. В современном понимании риск сочетает в себе как вероятность возникновения неблагоприятного события, так и размер возможного ущерба, потерь. Эти две локальные меры всегда взаимосвязанно фигурируют в мозгу субъекта при его действиях в условиях опасности. Соответствующим образом строя комбинации этих локальных мер, отражающих сложившуюся ситуацию, субъект оценивает уровень опасности и принимает соответствующее решение о необходимых действиях, т.е. осуществляет управление риском.

Согласно У. Беку, управление риском станет возможным при условии перехода общества к высшей стадии развития — рефлексивной современности (*reflexive modernity*). Она состоит в умении социальных субъектов осознавать и поддерживать постоянное теоретическое понимание оснований своей деятельности, определять меры безопасности и оценивать перспективы индивидуального и коллективного воздействия на риск. Источником структурной рефлексии выступает критицизм в отношении результатов предшествующей фазы современного общества, а его основой — научное и повседневное знание, а также осознанные факты незнания, недостатка правдивой информации о каком-либо явлении, стимулирующие дальнейшую экспертизу.

Главный урок, который был преподан специалистам по управлению рисками в конце XX — на-

чале XXI века, можно сформулировать так: для эффективного управления рисками необходимо внимательно следить за изменениями системных свойств мира, т.е. непрерывно проводить его мониторинг. Дело в том, что системные свойства непосредственно связаны с выявлением у сложной системы как некоторого целого нового системного качества, которым не обладают входящие в нее элементы [21]. Не выявленная длинная цепь таких связей может неожиданно привести к парадоксальному поведению той или иной системы, которое до этого времени считалось вполне предсказуемым.

Главный итог XX века — это не столько огромные технологические достижения и радикальные геополитические перемены, а в первую очередь существенное изменение системных свойств современного мира. С этим важным обстоятельством связаны и новые ресурсы развития, и новые риски. Трудно осознать, насколько парадоксальной является сложившаяся новая социально-экономическая ситуация, таящая в себе неизвестные угрозы и катастрофы. В наступившем веке главной ареной соперничества станет информационное пространство, а основной целью борьбы в этом пространстве станет изменение представлений и ценностей как отдельных людей, так и социальных групп общества риска.

Порождая риски, развитая модернизация также создает рефлексивность, позволяющую ей подвергнуть сомнению саму себя и производимые ею риски. Размышлять о рисках начинают те, кто становится их жертвами. Они начинают наблюдать и собирать данные о рисках и их последствиях для людей. Сами люди становятся экспертами, подвергающими сомнению развитую современность и ее опасности. Делают они это отчасти потому, что больше не могут полагаться в этом на экспертов.

Тогда как в классическом индустриальном обществе природа и общество были отделены друг от друга, в развитом индустриальном обществе природа и общество значительно переплетены. Это означает, что изменения в обществе часто воздействуют на природную среду, а эти изменения, в свою очередь, влияют на общество.

Управляемые изменения в современных обществах происходят не только под воздействием внешних факторов, но и в процессе самооргани-

зации, являющейся результатом внутренней саморефлексии отдельных индивидов, а также рефлексии институциональных структур.

В настоящее время важное значение приобретают не сами технологии, а их организация и в основном гармонизация некоторых системных связей между разными структурами общества, а также выбор оптимальных структур и анализ их альтернативных вариантов.

Высокая рискогенность российского общества актуализирует проблему изучения сущности происходящих процессов и явлений, в том числе и методами социологии управления, призванной вскрыть причины рисков и угроз, характер вызываемых ими последствий и возможности их преодоления [27].

Особое влияние на характер происходящих в России преобразований и их последствия оказывают риски социально-экономического развития, риски власти и управления, социокультурной трансформации, повышенная конфликтность общества и вызванное этим расширение пространства негативных и девиантных процессов.

Рост социальной напряженности связан прежде всего с недостаточной удовлетворенностью решением социально-экономических проблем. Увеличивающийся разрыв между социальными ожиданиями и результатами проводимых реформ, между представлениями о качестве жизни и ее реальным состоянием порождают противоречия между индивидом и группой, между ними и обществом, между обществом и государством. Их накопление на фоне слабости и неэффективности управления усиливает позиции конфликта и рисков.

Значительный рискогенный потенциал содержится не столько в переоценке системы ценностей, сколько в потере ею своей естественной функции — выступать в качестве важнейшего регулятора социальных отношений, который во многом и обеспечивает устойчивость социума.

Не меньший риск заключается в отчуждении индивидов, групп от государства, системы власти и управления, их своеобразной автономизации. Многочисленность рисков, смена ценностных приоритетов, неопределенность ориентиров, утрата традиционных рычагов социального воздействия деформируют личность и актуализируют проблемы ее социализации.

Литература

1. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2014. С. 300—302.
2. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
3. Кравченко С.А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований, адекватных чаяниям россиян. Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 12. М.: Новый хронограф, 2014.
4. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. № 5.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. № 5.
6. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. Вып. № 5.
7. Бек У. Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска. Выступление в Государственной Думе Российской Федерации 28 ноября 2001.
8. Соколов Ю.И. Риски высоких технологий. ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). М., 2009.
9. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание. М.: Наука, 2003.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.
11. Кастельс Мануэль. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
12. Делягин М. Грядущее как риск. <http://zavtra.ru/content/view/2010-07-2121/>
13. Ефимовских В.С. Риск в современном обществе. Автореферат диссертации. 2009. <http://cheloveknauka.com/risk-v-sovremennom-obschestve#ixzz3vDQe5Qyr>
14. Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества http://vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/30sociologiya_kravchenko.pdf
15. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 5.
16. Перроу Ч. Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий. <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page16394.html>
17. Бондур В.Г., Крапивин В.Ф., Потапов И.И., Солда-тов В.Ю. Природные катастрофы и окружающая среда // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. 2012. № 1. С. 3—150.
18. Сорокин П. Катастрофы и общество. М., 2000.
19. Кравченко С.А. Проблема новых уязвимостей российского общества. <http://vestnik.mgimo.ru/razdely/sociologiya/problema-novyh-uyazvimostey-rossiyskogo-obshchestva>
20. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Культурная инициатива. 1992.
21. Колесникова Т.А. Проблема управления рисками в современном обществе. <http://agps-2006.narod.ru/ttb/2010-5/17-05-10.ttb.pdf>
22. Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска. <http://ecsocman.hse.ru/data/853/685/1219/019Yanitskij.pdf>
23. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции общества риска // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М.: Аспект-пресс, 1997.
24. Калинина Н.А. «Опасное знание» в «глобальном обществе риска»: концептуальный анализ. Автореферат диссертации. 2014.
25. Андреева О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог: ТИУиЭ, 2000.
26. Скриба Н.Н. Концепция управления риском как специфическое междисциплинарное учение. Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1652>
27. Маслов П.А. Проблемы управления рисками в современной России. Автореферат диссертации. 2009. <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/problemuyupravlenija-riskami-v-sovremennoj-rossii.html>

Сведения об авторе

Соколов Юрий Иосифович: старший научный сотрудник ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС России
Количество публикаций: более 200
Область научных интересов: риски ЧС и высоких технологий
Контактная информация:
Адрес: 121352, г. Москва, ул. Давыдовская, д. 7
Тел.: +7 (495) 413-84-50
E-mail: soko-718@rambler.ru